

«В ОТНОШЕНИИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СССР ОСУЩЕСТВЛЯЛСЯ ГЕНОЦИД»: ОБОСНОВАННОСТИ И КОРРЕКТНОСТИ ДАННОГО УТВЕРЖДЕНИЯ

А. А. Герман

Уже свыше десятка лет в целом ряде публицистических и даже научных работ по истории российских немцев присутствует мысль об особой ненависти, имевшейся у Сталина и его окружения к советским немцам, о политике геноцида, которая якобы проводилась по отношению к немецкому населению СССР перед войной (в 1930-е гг.), в военные 1941–1945 годы и в первые послевоенные годы вплоть до смерти Сталина.

Еще в 1994 г. в своей монографии я попытался опровергнуть эти утверждения, доказывая, что в основе политики сталинского режима по отношению ко всем социальным и национальным группам СССР лежал все-таки классовый подход и коммунистические доктринальные установки, а жестокое отношение к немцам вызывалось их недостаточной, с точки зрения режима, лояльностью к власти и историческими корнями, связывавшими советских немцев с Германией – страной, с которой у СССР в 1930–1940-е гг., (за исключением периода с августа 1939 г. по июнь 1941 г.), были враждебные отношения¹. Да и позднее, вплоть до 1955 г., отношения между СССР и ФРГ оставляли желать много лучшего.

В 1998 г. на одной из наших конференций мною был сделан специальный доклад «Большевизм и российские немцы»², позднее опубликован ряд других материалов, в которых эта аргументация раскрывалась более подробно и конкретно. В частности, были сформулированы следующие выводы:

«... политика большевистской власти по отношению к немецкому этносу в России и СССР – это в большинстве своем политика дискриминации и репрессий. Определялась она следующими основными факторами:

1) общей репрессивной политикой большевистского режима, вытекавшей из его внутренней природы;

2) сложной адаптацией немецкого этноса к большевистской власти, его негативной реакцией на важнейшие «социалистические» преобразования, апелляцией с просьбами о защите при нарушении прав к Западу, т. е. к идеологическому и политическому противнику большевизма;

3) отношениями между СССР и Германией. В частности, в экстремальных условиях войны большевистская власть, помня о слабой лояльности «своих» немцев, пошла на неадекватную перестраховку, подвергнув их депортации, «трудармии», спецпоселению»³.

Там же специально оговаривалось, что сделанные выводы не претендуют на абсолютную правильность и законченность, возможно, в чем-то кажутся спорными. Тем более, они не оправдывают режим, запятнавший себя кровью миллионов жертв.

Тем самым я надеялся, что сторонники идеи «геноцида в отношении российских немцев» втянутся в цивилизованную научную полемику и, таким образом, мы сообща приблизимся к истине. Однако этого не произошло. Несколько лет было полное молчание. Но вдруг, начиная с 2002 г., словно по команде, на страницах желтой немецкоязычной прессы в России и Германии началась бурная кампания критики моих выводов. Причем вместо аргументированного опровержения применялись грубые, оскорбляющие честь и достоинство оппонента, выпады. Самый приличный из них – это сколько мне заплатили за то, чтобы я фальсифицировал историю российских немцев. Особенно выводил из себя «критиков» термин «неадекватная перестраховка». Вокруг него было сломано множество копий. К сожалению, некоторые подобные материалы были опубликованы и в газетах, считающих себя респектабельными и претендующими на объективность и высокий культурный стандарт своих материалов.

На всю эту далекую от науки крикливую кампанию можно было бы вообще не обращать внимания, если бы в нее не втянулись отдельные историки, считающие себя профессионалами. Объявив мне заочно свой суровый вердикт, они также не удосужились обременить себя хоть какими-то доказательствами моей научной неправоты. Но и эти некорректные выпады вряд ли могли бы заставить вернуться к старой проблеме.

Более весомо то, что идея «геноцида» пусть и не столь ярко, как раньше, все же продолжает появляться даже в самых свежих научных публикациях. Последний пример тому – весьма объемная двухтомная монография известного историка, нашего коллеги Виктора Бруля, совсем недавно изданная в Германии⁴. Я являлся научным рецензентом этой работы и вполне заслуженно дал ей «зеленый свет», поскольку работа действительно интересная, основанная на большом фактическом материале. Кроме того, я не имел права влиять на автора, навязывая ему свою точку зрения.

Однако работа В. Бруля, как и некоторые другие научные публикации последнего времени, заставила меня вновь обратиться к проблеме «геноци-

да против советских немцев» и, взяв на вооружение новые аргументы, порассуждать об обоснованности и корректности ее постановки.

Как представляется, основная «беда» сторонников «геноцида» заключается в том, что они до сих пор абсолютизируют историю российских немцев, исследуют ее в отрыве от общего исторического контекста, не пытаются проводить сравнительный анализ положения немцев с положением других народов СССР, в том числе и русского. Между тем именно такое сравнение позволяет нарисовать действительно объективную ситуацию и ясно понять: было ли к немцам особо негативное отношение или нет, проводился ли в отношении них геноцид или это была общая человеконенавистническая политика жестокого тоталитарного режима.

Говоря о «геноциде в отношении советских немцев», сторонники этой идеи ссылаются, главным образом, на три важных периода в истории советских немцев, когда их судьба действительно подвергалась суровым испытаниям. Это:

- период «большого террора» 1937–1938 гг.;
- период Великой Отечественной войны – конкретнее – с сентября 1941 г. (депортация) до весны 1946 г. (ликвидация «трудармии»);
- послевоенный период 1946–1953 гг. (период юридически оформленного «немецкого» спецпоселения).

Именно рассмотрению этих трех периодов в плане исследования обоснованности и объективности постановки вопроса о геноциде против советских немцев и посвящен мой доклад.

1. «Большой террор» 1937–1938 гг.

Сравнительные данные по «большому террору» 1937–1938 гг. весьма красноречивы. По последним, недавно рассекреченным архивом ФСБ, данным эти два года в СССР судебными и внесудебными органами было осуждено 1 млн. 587 тыс. человек, из них 681,7 тыс. человек приговорены к расстрелу⁵. Если учесть, что население СССР в те годы составляло 190, 7 млн. человек⁶, то путем несложных операций можно подсчитать, что по стране было осуждено 0, 84 % населения, расстреляно – 0, 36 %.

Сравним эти данные с данными по немецкому населению СССР. По переписи 1939 г. в СССР проживало 1млн. 430 тыс. немцев⁷. В 1937–1938 гг. по разным обвинениям было осуждено от 69 до 73 тыс. немцев из них расстреляно – примерно 40 тыс. человек⁸. Подсчет дает следующий результат: в 1937-1938 гг. было осуждено 4,8 – 5,1 %, расстреляно – около 3 % немецкого населения страны. Как видим, немцев арестовывалось и осуждалось

примерно в 6 раз больше, расстреливалось – почти в 10 раз больше, чем в среднем по стране.

Эти числа впечатляют и заставляют задуматься, а не правы ли мои оппоненты? Но все познается в сравнении. Оказывается, по отмеченным выше показателям немцы стоят лишь на третьем месте, среди всех народов, подвергшихся в те годы репрессиям по национальному признаку. Их опережают поляки (осуждено 7,4 %, расстреляно свыше 5 %. Только по «польской операции» было расстреляно – 111 тыс. чел.). На втором месте – латыши (осуждено 5,5 %, расстреляно свыше 3 %). Немного уступают немцам литовцы, эстонцы, финны, венгры. Показатели этих народов СССР тоже намного превышают средние по СССР показатели арестов, осуждений и расстрелов⁹.

Еще один знаменательный показатель: процент расстрелянных от числа осужденных по национальным операциям НКВД. Он составляет:

- в среднем по всем национальным операциям – 73,66 %;
- в греческой, финской, эстонской, латышской операциях – свыше 80%;
- в польской операции – 79,44 %;
- в немецкой операции – 76,17 %¹⁰.

По этому показателю немцы вообще едва ли не на последнем месте среди «национальностей, родственных населению враждебных государств».

В качестве типичного региона (не являвшегося местом компактного проживания для немцев и других отмеченных выше народов) возьмем Москву и Московскую область. Здесь в 1937–1938 гг. в ходе проведения национальных операций было арестовано людей:

- по польской линии – 4 873;
- по латышской линии – 2 992;
- по немецкой линии – 2 368¹¹.

Мы знаем, что в этом количестве арестованных присутствовали не только представители соответствующих национальностей, однако они все же составляли большинство, примерно две трети. Поэтому по приведенным данным можно говорить о том, что, по крайней мере, поляки и латыши для советского руководства в тот период времени представлялись большей опасностью, чем немцы. Наш вывод подтверждается также количеством арестованных в этом же регионе людей за соответствующий шпионаж. Всего за шпионаж в 1937–1938 гг. было арестовано 14 899 человек, в том числе за шпионаж:

- польский – 5 094 чел.;
- латвийский – 3 359 чел.;
- германский – 2 792;
- японский – 1 604¹².

Итак, в годы «большого террора» немцев действительно арестовывали и расстреливали в процентном отношении заметно больше, чем людей в среднем по стране. Несомненно, десятки тысяч расстрелянных – это кровавое преступление режима, которое нельзя оправдать и простить. Но уничтожение 3-х % немецкого населения – это все же трудно назвать геноцидом. Кроме того, немцы в этом плане были не одиноки. В репрессивной политике властей явно просматривается тенденция: завышенные нормы репрессий применялись к этническим меньшинствам, родственным народам, составлявшим коренное население соседних государств, с которыми у СССР были испорчены отношения и которые, по мнению советского руководства, могли представлять потенциальную военную угрозу для нашей страны. Германия в ряду этих государств стояла на третьем месте. Это вполне объяснимо, так как у Германии, в отличие от Польши и Латвии не было общих границ с СССР.

2. Великая Отечественная война

Следующий довод лиц, поддерживающих утверждение о политике геноцида по отношению к советским немцам со стороны советского руководства сводится к утверждению о массовом уничтожении немцев в «трудовой армии» и местах депортации. Попробуем разобраться и здесь.

Накануне войны в европейской части СССР проживало 1 млн. 157 тыс. немцев. В остальных районах СССР – чуть более 230 тыс. человек. К началу 1942 г. из европейской части СССР было депортировано 856,2 тыс. человек¹⁴. Вместе с проживавшими в азиатской части СССР местными немцами общая численность немцев, проживавших к началу 1942 г. на не оккупированных территориях составила примерно 1 млн. 86 тыс. человек¹⁵.

По нашим с А. Н. Курочкиным подсчетам, произведенным еще в 1997–1998 гг. в рабочие колонны за все годы войны было мобилизовано приблизительно 316 тыс. человек. Они были взяты из уже отмечавшихся 1млн. 86 тыс. человек, проживавших на подконтрольной советскому руководству территории СССР. Сюда не вошли репатрианты, мобилизованные в «трудармию» уже после окончания войны.

Число 316 тыс. человек включает в себя около 70 тыс. женщин и примерно 246 тыс. мужчин. Что касается мужчин, то это примерно 80–90% от всего трудоспособного немецкого мужского населения в возрасте от 15-ти до 55 лет. Женщины – свыше трети взрослого женского немецкого населения в возрасте от 16-ти до 45 лет. Как видим, степень мобилизации достаточно высокая, для мужского населения – практически поголовная.

Очень трудно точно определить число немцев, умерших в «Трудармии». Статистика велась из рук вон плохо. Первоначально по нашим расчетам, сделанным в конце 1990-х гг. это число составляло около 60 тыс. человек. Однако проведенные позднее более точные подсчеты, с учетом вновь обнаруженных документов, позволяет утверждать, что это число равняется приблизительно 35–40 тыс. человек. По отношению ко всему немецкому населению доля погибших в «трудовой армии» тогда составляет приблизительно – 3,2–3,7%. Если в расчетах оставить старое число погибших – 60 тыс., тогда этот процент увеличивается до 5,5 %.

Теперь обратимся к масштабам всего СССР. Недавно работники ЦАМО РФ закончили полный подсчет чисто военных безвозвратных потерь СССР в годы Великой Отечественной войны (погибших и умерших от ран и увечий). Они составили – 13 млн. 850 тыс. человек. Если взять численность населения СССР накануне войны в 1940 г. – 194,1 млн. чел.¹⁶, то безвозвратные военные потери СССР в войне составили – 7,1% от всего населения страны. Как видим, в первом случае процент потерь немцев в «трудовой армии» практически в 2 раза ниже, чем процент военных потерь, во втором случае – заметно ниже.

Показатель наших безвозвратных потерь в войне можно сопроводить несколькими примерами, которые при соответствующем толковании вполне могут быть расценены как проявления геноцида советского командования по отношению к собственным военнослужащим. Достаточно их сравнить лишь с общими потерями Германии и ее союзников на советско-германском фронте – 3,1 млн. человек¹⁷.

Самый прославленный советский военачальник маршал Г. Жуков рассказывал ошеломленному американскому генералу Д. Эйзенхауэру о принятом в Красной Армии способе преодоления минных полей: «Когда мы подходим к минному полю, наша пехота проводит атаку так, как будто этого поля нет. Потери, которые наносят нам при этом противопехотные мины, мы считаем всего лишь равными тем, которые мы бы понесли от артиллерийского и пулеметного огня в том случае, если бы немцы прикрыли данный район не минными полями, а значительным количеством войск. Когда пехота достигает дальнего конца поля, она образует проход, по которому проходят саперы и делают, в свою очередь, проходы среди противотанковых мин, через которые может следовать техника»¹⁸.

Еще один пример. Американское военное командование даже в 1945 г., когда фашистская Германия начала агонизировать, все равно избегало фронтальных атак на противника, считая их «тяжелым и дорогостоящим

делом», сопряженным с большими потерями личного состава. В Красной Армии фронтальные атаки применялись до последних дней войны. К концу Берлинской операции 1-й Белорусский фронт «сэкономил» несколько тысяч артиллерийских боеприпасов и это при том, что ему пришлось штурмовать мощнейшие укрепления противника на Зееловских высотах перед самым Берлином. Всего, в Берлинской операции погибло 78,3 тыс. чел. в том числе, во фронтальных атаках на Зееловские высоты – свыше 30 тыс. чел.¹⁹ Не забудем, что эти солдаты не дожили до победы всего несколько недель.

Чем объяснить эти парадоксальные на взгляд нормального человека факты? Как расценивать это намеренное убийство советских солдат? Может быть это тоже – геноцид? Несомненно, природа всех рассматриваемых явлений одна и та же. Она – в сущности сталинского тоталитарного режима.

За период с 1940-го по 1948 г. население СССР сократилось на 19,4 млн. чел.²⁰ Это число достаточно сильно разнится с приводимой в последнее время величиной наших общих потерь в Великой Отечественной войне – 26,4 млн. чел. Однако мы не можем брать эту величину для расчетов, так как не удалось обнаружить или подсчитать численности советских немцев в 1945 г. Снижение численности населения по стране за 1940–1948 годы составило примерно 10%.

Численность советских немцев в 1948 г. составляла 1,12 млн. чел., сократившись за военные годы на 310 тыс. чел.²¹ Однако из этого числа необходимо вычесть не менее 160 тыс. немцев – бывших советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории, подвергнутых «административно-му переселению» в Германию и сумевших избежать репатриации²². Тогда «внутренние» потери немецкого населения за 1941–1948 гг. составляют примерно 150 тыс. человек. В это число входит и 19,5 тыс. немцев, проживавших в Казахстане и оказавшихся жертвами страшной эпидемии сыпного тифа в марте–мае 1944 г. Кроме немцев, эта эпидемия унесла почти 100 тыс. казахов, не менее 30 тыс. русских, десятки тысяч представителей других народов, проживавших тогда в Казахстане. По этому поводу Совнарком СССР 5 апреля 1944 г. издал даже специальное постановление № 7503 «О борьбе с эпидемией тифа в Казахской СССР»²³. В целом снижение численности немцев за 1940–1948 годы составило примерно 10,5 %. Как видим, процент снижения численности немецкого населения за указанные годы больше процента снижения численности всего населения СССР, но не намного и вполне соизмерим с ним.

3. Послевоенные годы

После ликвидации «трудовой армии» и завершения миграционных процессов, связанных с воссоединением немецких семей наблюдается интересная картина определенного демографического бума. Если в 1945 г. в СССР родилось 1 914 немцев, то в 1946 г. – 4 236, в 1947 г. – 7 314, в 1948 г. – 12 309, в 1949 г. – 29 126, в 1950 г. – 32 494²⁴. Несомненно, это были тяжелые годы, но такой бурный рост рождаемости явно противоречит утверждениям о проведении политики геноцида в отношении немцев и в первые послевоенные годы.

Объективности ради, следует отметить, что смертность в эти годы также оставалась высокой и тенденция к снижению была неустойчивой. В 1945 г. умерло 6 930 чел, в 1946 – 8 915, в 1947 г. – 12 573, в 1948 г. – 17 679, – в 1949 г. – 9 984, в 1950 г. – 10 340. Всплеск показателей смертности 1947–1948 гг. связан с последствиями послевоенного массового голода в стране. Он коснулся без разбора всего населения. Тем не менее, начиная с 1949 г., рождаемость у немцев начинает быстро опережать смертность.

В 1950 г. на тысячу жителей:

- родилось в целом по СССР – 26,7;
- родилось у советских немцев – 28,9;
- умерло в целом по стране – 9,7;
- умерло у немцев – 9,2;
- естественный прирост в целом по стране – 17 чел.;
- естественный прирост у немцев – 19 чел.²⁶

За 1948–1952 гг. численность немцев увеличилась на 105 тыс. человек, то есть почти на 11% и на 1 января 1953 г. составила приблизительно 1 млн. 227 тыс. человек²⁷.

Так что говорить о каком-то геноциде в отношении немцев после войны также не приходится. Их основные демографические показатели выглядят даже благополучней, чем в среднем по стране.

К приведенным выше цифровым данным можно было бы добавить массу фактов явно опровергающих тезис о геноциде. Так, например, только в Свердловской области в 1951–1955 гг. на руководящих должностях в промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства числилось свыше 300 немцев (руководители и заместители руководителей цехов, смен, предприятий, леспромхозов, совхозов, начальники депо, начальники движения и начальники веток на железнодорожном транспорте и др.)²⁸. Этим людям подчинялись не только немцы, но и представители многих других национальностей.

Многие немцы за активный и производительный труд награждались правительственными наградами. Например, в 1954 г. за образцовую и долготную работу в угольной промышленности орденом Ленина был награжден немец – шахтер из Воркуты М. И. Литавер²⁹, и это далеко не единичный пример.

* * *

Приведенные статистические данные и конкретные факты, как представляется, не дают основания считать, что у сталинского режима была «особая ненависть» к советским немцам, что этот режим проводил специальную политику геноцида в отношении немецкого населения страны. Они вполне подтверждают ранее сделанные выводы о причинах жестокого отношения режима к немцам (приведены в начале доклада).

Наши выводы лежат в русле выводов ряда других ученых-историков исследовавших репрессии в СССР, в том числе, зарубежных. Так, например, российский исследователь В. Хаустов, считает, что репрессии в отношении немцев определялись не национальной принадлежностью, а в них преобладали «социальные и политические мотивы». Американский историк Э. Д. Вейц в одной из своих статей подверг критике использование таких понятий, как «Красный холокост» или «Украинский геноцид», поскольку, по его мнению, «советская система никогда не была ориентирована на полное физическое уничтожение той или иной группы населения»³⁰. С мнением Американского специалиста согласны немец Марк Юнге и голландец Рольф Биннер, также профессионально изучающие политические репрессии в СССР³¹.

Опираясь на собственную аргументацию, а также на мнения специалистов позволю себе сделать заключение, что основанное на эмоциях и одностороннем подходе, политически заостренное употребление термина «геноцид», в конечном итоге ничего не дает для научного понимания характера и механизма дискриминации и репрессий в отношении российских немцев в предвоенный период, в годы войны и в послевоенное время.

Вместе с тем, говоря о репрессиях против немцев и их дискриминации в 1930–1950-х гг. нельзя согласиться и с противоположными крайностями, нашедшими свое выражение в некоторых выводах, изложенных в новой монографии Л. П. Белковец³².

В целом автор провела подробное, тщательное и всестороннее рассмотрение правовых аспектов таких действий государственной власти как принудительное переселение немецкого населения из европейской части

СССР вглубь его территории, хозяйственное и социально-бытовое обустройство переселенцев, их труд, в том числе и по специальным мобилизациям в рабочих колоннах, положение в условиях режима спецпоселения.

Вполне обоснован вывод диссертантки о том, что действия властей в отношении немецкого населения в годы войны не преследовали цели специального уничтожения по национальному признаку (геноцида). Он, это ясно из всего вышеизложенного, целиком разделяется и автором настоящего доклада. Л. П. Белковец отмечает, что действия властей привели к ликвидации национально-государственного образования советских немцев – АССР немцев Поволжья, переселению значительных масс немцев на восток, распыление их на огромной территории Сибири и Казахстана, а затем и других регионов, к принудительному трудовому использованию основного взрослого населения в тяжелейших условиях фактически на положении заключенных (особенно, в системе лагерей НКВД). Все это нанесло серьезный ущерб немецкому этносу, привело к ломке его традиционного уклада жизни, изменению ментальности немцев, способствовало быстрому развитию ассимиляционных процессов, разрушению национальной самоидентификации.

Можно согласиться с Л. П. Белковец в том, что если в годы войны действия тоталитарной власти в отношении немецкого населения могут найти определенное оправдание, то сохранение режима спецпоселения на десять послевоенных лет «никакими благими намерениями нельзя оправдать...»³³.

Вместе с тем, как представляется, в определенное противоречие с этим утверждением вступают кажущиеся категоричными и недостаточно обоснованными именно «с точки зрения соблюдения прав человека и гражданина» (слова Л. П. Белковец. – А. Г.) выводы о том, что принудительное переселение ряда народов в годы войны и последующие действия власти в отношении них «не представляли собой репрессивного механизма» и что «политика СССР в отношении депортированных народов в 1940–1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление...»³⁴. Подчеркиваем еще раз, что с этими выводами особенно трудно согласиться, когда речь идет о послевоенном десятилетии.

Конечно, автор данного доклада не является юристом и не может достаточно компетентно аргументировать свое мнение в этих вопросах в правовом плане. Однако есть же прецедент осуждения как преступной идеологии и политической практики нацизма, его конкретных преступлений против народов, в том числе и собственного. Есть прецедент осуждения за конкретные преступления ряда представителей партийных и государствен-

ных органов бывших ГДР, Югославии и других стран после смены там политических режимов. В этом смысле представляется, что и у сталинского режима, запятнавшего себя за десятилетия своего существования, кровью многих тысяч невинных жертв, есть немало преступлений (в том числе и по отношению к немецкому населению), попадающих под соответствующие правовые акты. А ведь именно из совокупности таких конкретных преступных действий складывается реальная, а не декларируемая политика власти. Иначе с точки зрения элементарного здравого смысла рисуется весьма странная картина: реабилитированы многие тысячи невинно осужденных, в том числе и уничтоженных, однако виновных в их незаконных, даже по правовым нормам сталинского времени, осуждениях и гибели – нет. Мы не говорим уже о миллионах исковерканных человеческих судеб.

Представляется, что делая отмеченные выше выводы, Л. П. Белковец явно отходит от провозглашенного в одной из своих монографий принципа, заключающегося в том, что «в своей исследовательской практике она всегда руководствуется не только стремлением к поиску исторической истины, но и пониманием того, что знание этой истины способствует «преодолению» давящего над всеми нами трагического прошлого»³⁵.

Итак, постановка вопроса о геноциде в отношении российских немцев с научной точки зрения представляется необоснованной и некорректной. Точно также достаточно сомнительным выглядит и поиск юридических зацепок для формулирования вывода об отсутствии состава преступления в действиях сталинской тоталитарной власти в 1941 – 1955 гг. по отношению к советским немцам. Оба эти направления представляются крайними и типиковыми. Намного продуктивнее выглядит задача комплексного изучения всех политических преступлений сталинского режима против своего народа. Лишь в этом комплексном исследовании можно будет вполне объективно и беспристрастно выявить роль и место преступлений режима против немецкого населения СССР.

¹ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 2. Автономная республика. 1924–1941. Саратов, 1994. С. 330.

² См.: Герман А. А. Большевизм и российские немцы // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С. 284–293.

³ Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 25.

⁴ См.: Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Band 1,2. Nürnberg, München, Großburgwedel, 2003.

- ⁵ Подсчет сделан автором на основе опубликованных данных архива ФСБ РФ. См.: Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 52.
- ⁶ См.: Население СССР: справочник. М.: Политиздат, 1983. С. 8.
- ⁷ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сборник документов (1940-е годы) / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Готика, 12998. С. 16.
- ⁸ См.: Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 66, 70–71.
- ⁹ Подсчет сделан автором на основе архивных данных.
- ¹⁰ См.: Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937-1938 гг. // <http://www.memo.ru>; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ: Репрессии против российских немцев. С. 69.
- ¹¹ См.: Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 60.
- ¹² См.: Там же.
- ¹³ Подсчет сделан автором на основе опубликованных данных о численности немецкого населения. См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 16–18.
- ¹⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 41.
- ¹⁵ Подсчет сделан автором на основе приведенных выше опубликованных и архивных данных.
- ¹⁶ См.: Население СССР : Справочник. С. 8.
- ¹⁷ См.: Кацва Л. Великая Отечественная война // История. 1999. № 45. С. 10.
- ¹⁸ Цит. по: Кацва Л. Великая Отечественная война // История. 1999. № 45. С. 11
- ¹⁹ См.: Советская военная энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Воениздат, 1990. С. 386.
- ²⁰ См.: Население СССР: Справочник. С. 8.
- ²¹ Подсчет сделан автором на основе данных В. Н. Земскова. См.: Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
- ²² См.: Герман А. А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1945 гг. М. 2001. С. 258, 264.
- ²³ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л.137.
- ²⁴ См.: Бугай Н. Ф. Немцы в структуре производительных сил СССР: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // Немецкий российский этнос: веки истории. М., 1994. С. 89; Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 162–163.

- ²⁵ См.: Там же.
- ²⁶ Данные по населению СССР взяты из: Население СССР: Справочник. С. 55. Данные по немецкому населению рассчитаны автором.
- ²⁷ Подсчет сделан автором на основе данных В. Н. Земскова. См.: .: Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
- ²⁸ Подсчет сделан автором на основе анализа архивных документов фонда Ф. 9479 ГАРФ.
- ²⁹ См.: ГАСО. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 151.
- ³⁰ Weitz E. Racial Politics without the Concept of Race: Reevaluation Soviet, Ethnic and National Purges // Slavic Review. 2002. N 61. P. 24.
- ³¹ См.: Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим»? // Свободная мысль. 2003. № 9. С. 95.
- ³² См.: Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003.
- ³³ Там же. С. 299.
- ³⁴ Там же. С. 298, 301.
- ³⁵ Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни Сибири. М., 1995. С. 6.)